

А. С. Матвеевская, С. Н. Погодин

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФИНЛЯНДИИ В СССР (культурологический аспект)

В статье на основе культурологического анализа рассматриваются представления о Финляндии, имевшие хождение в Советском Союзе. Показано, что в различные периоды формировались разные образы Финляндии, отражавшие прежде всего политико-идеологические интересы советского руководства. Исследование построено по историческому принципу и охватывает период 1930–1990-х годов. Особое внимание уделено позитивным изменениям в представлениях о Финляндии в 1960–1980-е годы. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, имидж, культурология, международные отношения.

A. S. Matvievskaia, S. N. Pogodin

CONCEPT OF FINLAND IN THE USSR (cultural aspect)

The article deals with the idea of Finland to the Soviet Union on the basis of cultural analysis. The research is based on the historical principle, from the 1930s to the 1990s. Particular attention is paid to positive change in the conception of Finland around the 60-80s in the Soviet Union. At various different types of image of Finland formed, pursuing primarily political and ideological interests of the Soviet leadership. Refs 9.

Keywords: Finland, the USSR, image, cultural studies, international relations.

На представления о Финляндии в Советском Союзе большое влияние оказывали межгосударственные отношения [1]. Характер этих отношений был достаточно сдержанным, что было связано с наследием военного противостояния в 1918–1919 гг., а также с попытками «экспорта революции». Не способствовали нормальному взаимопониманию «зимняя война» 1939–1940 гг. и военные действия 1941–1944 гг. В то же время Финляндия была в числе первых государств, официально признавших РСФСР: это произошло 31 декабря 1920 г. Уже 23 июля 1923 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами на уровне миссий. Однако с началом «зимней войны» дипломатические отношения были прерваны. Они были восстановлены 12 марта 1940 г., после окончания войны. Финляндские власти решили, что союз с Германией поможет вернуть утраченные в ходе «зимней войны» территории, поэтому Финляндия в 1941 г. вступила в войну против СССР. Только после окончания войны, 6 августа 1945 г., было достигнуто соглашение об обмене дипломатическими миссиями между двумя странами [2].

Матвеевская Анна Сергеевна — кандидат географических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; annamatveevskaya@mail.ru

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Институт международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, Российская Федерация, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28; pogodin56@mail.ru

Matvievskaia Anna S. — Candidate of Geographic Sciences, Senuor Lecturer, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; annamatveevskaya@mail.ru

Pogodin Sergey N. — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University, 28, Grazhdanskiy pr., St. Petersburg, 195220, Russian Federation; pogodin56@mail.ru

Именно эти две войны оказали существенное негативное воздействие на имидж Финляндии в СССР. Во время войны востребованным становится образ врага, морально оправдывающий кровопролитные столкновения. В Новейшей истории усиливается роль государства в общественной жизни. Общественное сознание подвергается массивному воздействию средств массовой информации. СМИ, во многом подконтрольные власти, становятся главными субъектами, формирующими ментальность общества, включая и образы внешнего мира. Можно полностью согласиться с мнением отечественного историка И. М. Соломеща о том, что «точки зрения, изложенные в прессе, политически окрашенной по определению, равно как и в научно-популярной литературе, тождественно отражают истинные представления народа о соседе. Речь, таким образом, может идти лишь о некоторой степени приближения к составлению адекватной картины» [3, с. 144]. Восприятие народами Финляндии и Советской России друг друга несло на себе отпечаток исторических обид, что во многом способствовало формированию устойчивых негативных стереотипов.

Имидж Финляндии как врага сформировался в общественном сознании советских людей под воздействием исторических причин и официальной пропаганды. «Образ врага, — отмечает И. М. Соломещ, — является не только “спонтанным”, стихийно возникающим феноменом массового сознания, но и нередко специально, сознательно формируемой психологической установкой, выполняющей в обществе определенные функции (отвлечения народа от внутренних проблем, психологической разрядки, “переноса” недовольства вовне, консолидации и, наконец, мобилизации сил нации, если такие настроения выливаются в практические действия государства)» [3, с. 144].

Сложности «зимней войны» стали полной неожиданностью для Советской Армии и для руководства СССР, которое находилось в плену своих идеологических иллюзий. Н. С. Хрущев позднее вспоминал: «Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина... Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера... Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить... Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах» [4, с. 31].

Пример советско-финского военного противостояния позволяет наглядно изучить эволюцию имиджа врага как феномена массового сознания. Восприятие Финляндии как военного противника СССР основано на пропагандистских стереотипах и мифах, уходящих корнями в историю. Советская пропаганда стремилась нарисовать крайне неприглядный образ противника. В красноармейской газете «Боевой путь» в заметке под названием «Лапландский крестоносец» корреспондент

так охарактеризовал финского военного: «трижды презренный лапландский крестоносец», «матерый враг Советского Союза», «белофинский оккупант», «убежденный фашист», «ненавистник всего русского, советского» и т. д. [5, с. 146]. Советские солдаты имели достаточно оснований, чтобы видеть в финнах жестокого, коварного и опасного врага, преследующего агрессивные аннексионистские цели, попирающего нормы международного права. Поэтому многие ключевые оценки противника, звучавшие в советской пропаганде, полностью соответствовали настроениям сражающейся с ним армии.

«В ходе Войны — “Продолжения” (1941–1944) (так трактуется эта война финскими историками) восприятие финнов и в армии, и в советском обществе было более адекватным, нежели накануне советско-финляндского конфликта, — отмечает Е. С. Сенявская. — Это был, в сущности, один и тот же противник, столкновение с которым повторилось через небольшой промежуток времени, но советская сторона — “субъект восприятия” — была уже во многом другой, “обогащенной” опытом предыдущих военных действий, избавившейся от многих идеологических клише и предрассудков» [5, с. 157]. Интересен вывод, к которому приходит далее автор: «Пожалуй, именно адекватность взаимного восприятия в контексте хода Второй мировой войны, с учетом, безусловно, общей международной ситуации, позволила СССР и Финляндии найти взаимоприемлемый выход из военного противостояния. Причем Финляндия не подверглась советской оккупации и “советизации”, приобретя уникальный статус “нейтрально-дружественного” государства (в сфере советского влияния) на многие десятилетия “холодной войны”» [5, с. 157].

Е. С. Сенявская отмечает интересный социально-психологический феномен — отсутствие по отношению к финнам массовой ненависти, которую русские испытывали к немцам. «Быть может, здесь сказались определенный комплекс вины за события 1939–1940 гг., когда маленькая страна стала жертвой агрессии со стороны большого соседа, а также уважение, вызванное стойкостью финнов, с которой они защищали свою землю. Вероятно, официальный нейтрально-дружественный статус послевоенной Финляндии, который поддерживался и советской пропагандой, также оказал воздействие на восприятие этой страны и ее народа в последующие годы» [5, с. 158].

Официальная пропаганда и средства массовой информации играют определяющую роль в формировании исторической памяти народа. Можно выделить основные компоненты, составляющие конструируемый имидж государства. Особое значение в 1930–1940-е годы имели официально-пропагандистский, служебно-аналитический, художественно-обобщенный образы страны, с их помощью создавался стереотип Финляндии как враждебного государства. Наряду с официальным имиджем страны, в обыденном сознании людей существовал и образ финского врага, формирующийся на основании воспоминаний непосредственных участников и свидетелей событий. «Именно от них, — констатирует Е. С. Сенявская, — до массового сознания доходили сведения об особой жестокости финнов по отношению к пленным и к гражданскому русскому населению оккупированных областей, об их оккупационной политике, носившей характер геноцида. То есть личностно-бытовой образ оказывался куда более адекватным для формирования исторической памяти о противнике из соседней страны, нежели официально-пропагандистский» [5, с. 158].

Начиная с 1950-х годов в советской научной литературе и СМИ эпизоды военного противостояния с Финляндией стали замалчиваться в угоду политической конъюнктуры — официальным дружественным отношениям между двумя странами. Сближение стран было закреплено договором 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Президенты Финляндии Юхо Кусти Паасикиви и Урхо Калева Кекконен, учитывая интересы восточного соседа, стараясь сглаживать имевшиеся разногласия, не поступаясь при этом основными принципами демократии. Данный курс получил название «линия Паасикиви — Кекконена». Его проведение сопровождалось развитием экономического и культурного сотрудничества между СССР и Финляндией.

В этот период сложился особый тип взаимоотношений между двумя соседями — «финляндизация». Большие задачи возлагались на культурное сближение, которому должны были содействовать созданные в обеих странах общества дружбы «Финляндия — СССР» и «СССР — Финляндия». Как пишет Э. Карху, еще в январе 1945 г., когда продолжалась война с фашистской Германией, в Финляндию была направлена большая советская делегация. В нее входили писатель Леонид Леонов, кинорежиссер Всеволод Пудовкин, композитор Дмитрий Кабалевский и Ансамбль песни и пляски Советской Армии, выступивший с концертами во многих финских городах. Высокий профессионализм и мастерство ансамбля стали для многих финнов откровением. Гастролей подобного уровня в Финляндии прежде не было. «По свидетельству журналиста и писателя М. Курьенсаари, после концерта в Хельсинки интеллигентного вида молодая супружеская пара тут же публично заявила перед всем залом, что впредь они никогда больше не будут называть русских пренебрежительным словом “рюсся”. Это может показаться малозначащей деталью, но с таких деталей должно было начаться воспитание обоюдного взаимопочтения» [6, с. 77].

Историки, политологи и культурологи уделяют много внимания анализу «финляндизации» как особой формы международных отношений. Финский исследователь Ю. Райхель считает, что за отсутствие советских войск на территории страны и возможность сохранить демократический и рыночный характер государственного устройства Финляндия заплатила жестко выдержанным курсом на дружбу и нейтралитет по отношению к СССР в период Холодной войны. «СССР были выплачены репарации в размере 300 млн долларов, что по нынешним временам соответствует миллиардам. Частью своего суверенитета Финляндии пришлось пожертвовать. Советский Союз вмешивался во внутренние дела страны, диктовал составы финского правительства и не допускал к управлению страной неприемлемых для него деятелей. Москва в категорической форме потребовала отстранения влиятельного политика, председателя Социал-демократической партии Вяйне Таннера от участия в правительстве за его роль в организации сопротивления в “Зимней войне” 1939–1940 гг.» [7].

В советский период имидж Финляндии в России несколько раз видоизменялся. Мы уже писали о созданном в 1920–1930-е годы образе «несчастной, угнетаемой белофиннами страны»; в 1940-е годы возник «образ врага»; в 1950-е годы стал формироваться образ «дружественной Финляндии». А. И. Рупасов и А. Н. Чистиков анализируют имидж Финляндии в советской прессе в годы «хрущевской оттепели»: «Создание образа, как одна из задач или целей — в зависимости от конкретной

ситуации — политической пропаганды, само по себе исключает необходимость использования и передачи сколько-нибудь обширной информации, поскольку образ является объектом вовсе не понимания, а эмоционального восприятия (неопределенность его содержательной стороны не позволяет ему быть объектом понимания, образ интерпретируется и осмысливается)» [8, с. 342]. Как отмечают авторы, нехватка информации способствовала целостности создаваемого образа и «творческому» манипулированию общественным сознанием в направлении отказа от некоторых стереотипов прошлого и поиска новых способов взаимодействия с миром. Однако творцы нового имиджа Финляндии наталкивались на реалии двусторонних отношений. «Разница между желаемым и наличным оказалась разочаровывающей для политического руководства СССР. На президента Урхо Калева Кекконена в этот период еще не была возложена советской прессой высокая роль символа советско-финляндской дружбы и гаранта незыблемости добрососедских отношений. К началу 1960-х годов в советской прессе происходит стабилизация “массива клише” в материалах, посвященных Финляндии: от “наличия широкого взаимопонимания” к “стабильным дружеским добрососедским отношениям”» [8, с. 342].

К концу хрущевского десятилетия из советской прессы полностью исчезают упоминания о прошлых негативных сторонах взаимоотношений между двумя странами. Как отмечают А. И. Рупасов и А. Н. Чистяков, в советской прессе тех лет намеренно подчеркивалась заинтересованность Москвы в сохранении Финляндией нейтрально-дружественного внешнеполитического курса. При этом в качестве социальной опоры этого курса предстают не рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия, а широкие круги финляндской общественности. «Подразумевалась возможность сотрудничества с различными политическими партиями, вне зависимости от их внутри- и внешнеполитических программных установок. Все более навязчивой идеей становится подчеркивание прагматизма в двусторонних отношениях — в сфере торгово-экономического сотрудничества. Финляндия настойчиво рисуется как дружественная страна. Наличие противников такого состояния двусторонних отношений (“врагов миролюбивого курса советской страны”) в лице “реакционных кругов”, “воинствующей клики” и некоторых политических и общественных организаций (Представительство молодежных организаций Финляндии (ПМОФ), “правые социал-демократы”) перестает оцениваться как сколько-нибудь серьезная угроза» [8, с. 357].

Таким образом, в период «хрущевской оттепели» образ Финляндии в СССР изменился в лучшую сторону, что оказало позитивное влияние на политические и торгово-экономические взаимоотношения двух стран. Финляндия получила приоритет в торговле с СССР, а финские фирмы и предприятия — длительные и хорошо оплачиваемые заказы на свою продукцию. «Это обеспечивало работой сотни тысяч финских рабочих и приносило большие поступления в бюджет страны. Надо отдать должное умелой финансовой и экономической политике финского руководства. Средства не были проедены, а направлены на освоение наукоемких и новых технологий. Символом прорыва стала хорошо известная у нас фирма “*Nokia Oyj*”, производящая современное телекоммуникационное оборудование» [7].

В западной политической науке термин «финляндизация» трактовался исключительно как «политика непротивления давлению СССР». Имелось в виду даже нечто большее, «чем межгосударственные договорные обязательства; пред-

полагалось, что за многие годы бесконфликтного послевоенного сосуществования финское руководство слишком привыкло предугадывать пожелания Москвы и во избежание осложнений считаться с ними, проявляя при этом политическое искусство и поддерживая взаимное доверие. На фоне острой конфронтации двух политических систем в мировом масштабе советско-финляндские отношения квалифицировались Москвой как образцовые, а на Западе утверждали, что Москва хотела бы «финляндизировать» всю Европу, начав со Скандинавии» [7]. Позиция СССР по этому вопросу была другой: следовало доказать мировому общественному мнению, что политика «финляндизации» носит добровольный характер и соответствует принципам мирного сосуществования, которые в эпоху Л. И. Брежнева стали основным идеологическим клише. Именно поэтому руководство СССР настояло, чтобы Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданное в 1975 г., было проведено именно в Хельсинки, что значительно укрепило международный имидж Финляндии.

В итоге, полагает финский социолог Й. Бэкман, «у русских сформировался слишком положительный образ финнов и политики Финляндии. Во времена советской пропаганды Финляндия представлялась как доброжелательная страна. Но каждый, кто жил в Финляндии в 1990-х, знает, что атмосфера в Финляндии антироссийская. Финские реваншистские настроения имеют скрытый характер, финны знают, что русским не стоит открыто угрожать» [5, с. 159].

Развитие отношений СССР с Финляндией во второй половине 1980-х годов было связано с глубокой трансформацией всей внешнеполитической доктрины советского государства. Эти изменения, вызванные как внутренними преобразованиями в стране, так и внешними факторами, придали имиджу Финляндии в Советском Союзе иной характер и новое содержание. По мнению отечественного исследователя В. А. Репневского, государствам Северной Европы, в частности Финляндии, «выпала роль полигона в процессе реализации “нового политического мышления”, которое строилось на новых принципах (признание современного мира единым, взаимосвязанным, взаимозависимым; баланса интересов как гаранта безопасности; преимущества общечеловеческих ценностей над любыми другими) и приоритетах внешней политики (деидеологизация межгосударственных отношений, совместное решение глобальных наднациональных проблем, строительство “общеевропейского дома”). За это они одними из первых получили дивиденды, например в виде частичной демилитаризации советских приграничных территорий, ликвидации советского ядерного оружия морского базирования на Балтике и заключения ряда взаимовыгодных договоров с Советским Союзом» [9, с. 170–171].

Вторая половина 1980-х годов стала новым качественным явлением. Этот период характеризовался открытостью и инициативностью внешней политики СССР. Советское руководство начало активно развивать неправительственные отношения, что позволило утвердить «новое политическое мышление», сыгравшее положительную роль в формировании имиджа Финляндии как части демократической западной цивилизации, присоединиться к которой стремилось «перестроенное» руководство СССР.

После 1991 г. на основе концепции внешней политики Российской Федерации и стратегии формирования «пояса добрососедства» стала активно формироваться российская политика трансграничного регионального сотрудничества. Успешное

сотрудничество с Финляндией в этот период во многом стало объективным следствием тесного приграничного взаимодействия, которое сложилось в 1970–1980-е годы. «...В 90-е годы XX века многостороннее взаимодействие в регионе с участием России проходило значительно оживлённое, нежели в предшествующий период, и непосредственно с членством Российской Федерации во вновь созданных региональных институтах», — констатирует В. А. Репневский [9, с. 174].

Российскому государству пришлось считаться с процессом расширения Европейского Союза. Вступление в 1995 г. в эту организацию Финляндии определило специфику отечественной внешнеполитической деятельности в отношении этой страны. Основной акцент в развитии российско-финляндского взаимодействия был сделан на приумножении накопленного потенциала сотрудничества, прежде всего трансграничного, с максимальным использованием «евроизмерения». В ответ Финляндия выдвинула способствующую этому концепцию «Северного измерения» (1997).

Итак, мы видим, что образ Финляндии в СССР изменялся со временем в связи с политическими событиями и политико-идеологическими интересами советского руководства. В послереволюционное время Финляндия представлялась маленькой страной, ждущей помощи от Советской России. В годы войны Финляндия превратилась во врага и агрессора. В послевоенный период Финляндия изображалась как дружественная страна, что было связано с трактовкой советской пропагандой самого СССР как оплота мира и добрососедства. В условиях постсоветского периода 1990-х годов образ Финляндии не был оформлен в официальной пропаганде, поскольку Россия сама еще не обрела новой национальной идентичности. В наши дни имидж Финляндии в России определяется сугубо прагматическими факторами.

Литература

1. *Погодин С. Н., Саблина М. А.* Формирование имиджа Финляндии в России. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 106 с.
2. *Макаркин А.* Неизвестная Финляндия // Федеральный журнал «СЕНАТОР». URL: <http://www.senat.org/Finland/IntegraFIN-2.html> (дата обращения: 01.03.2015).
3. *Соломещ И. М.* От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. В. Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. С. 143–153.
4. *Хрущев Н. С.* Воспоминания // Огонек. 1989. № 30. С. 30–37.
5. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
6. *Карху Э. Г.* Финско-русские литературные связи XIX–XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. В. Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. С. 43–88.
7. *Райхель Ю.* Финляндизация Европы или умиротворение России? // Newsland. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/624421> (дата обращения: 01.03.2015).
8. *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия» // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. В. Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. С. 340–358.
9. *Репневский В. А.* Эволюция политики СССР/РФ в отношении Финляндии, Норвегии и Швеции: 70–90-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2006. 230 с.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2015 г.